



елена  
КОЛИНА

наука  
о небесных  
кренделях  
(Дневник)

Елена Колина  
**Наука о небесных кренделях**  
Серия «Дневники новой русской», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8325577](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8325577)  
*Наука о небесных кренделях: [роман]: АСТ; Москва; 2014*  
*ISBN 978-5-17-089549-6*

**Аннотация**

Это смешно и умно написанная картина сегодняшней жизни – о НАС, где каждый в хороводе персонажей узнает себя и своих близких. И особенно пронзает на фоне сегодняшнего разлада посыл: мы так дорожим нашими взглядами, любим свои обиды, лелеем комплексы, мы кричим друг другу: «Ты мне никто! Навсегда!» Но когда приходит беда, важным становится другое – преданность, благородство, любовь.

Чудесный дар иронии, которым Елена Колина обладает как никто в современной прозе, ее умение подразумевать больше, чем говорит, и говорить больше, чем подразумевают другие, превращает «сатиру на нравы» в нежный роман о воспитании чувств: здесь много смеха, много слез, много боли.

Можно смеяться, можно бояться, можно – думать.

## Содержание

Отовсюду с любовью. Пятница, 28 марта	4
Вторник, 28 января	11
Отовсюду с любовью. Пятница, 28 марта	17
Понедельник, 10 февраля	21
То, о чем не говорят	26
Пятница, 14 февраля	31
Отовсюду с любовью. Пятница, 28 марта	36
Четверг, 27 февраля	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# Елена Колина

## Наука о небесных кренделях

### Роман

*Моим друзьям с благодарностью за то,  
что я знаю, что такое дружба.*

*Все события, все персонажи вымышлены, совпадения случайны.*

*Я умею говорить мыслями. Я умею плакать.  
Я умею смеяться. Что ты хочешь?*

**А. Введенский**

*Это Питер, детка.  
Происхождение фразы не установлено*

## Отовсюду с любовью. Пятница, 28 марта

### 21.10

Если вы случайно открыли мой дневник, пожалуйста, положите на место!

Я веду дневник, чтобы не забыть незабываемые тайны моей жизни, например: пятница 28 марта, 21.10, на углу Невского и Фонтанки, – СЧАСТЬЕ. В детстве (глупо говорить “в юности” – а сейчас у меня что?!) гулять по Невскому было счастье, все было счастье-любовь, как будто кто-то сверху (Бог?) светил на меня фонариком, – под дождем мокрые косички, и ледышки на варежках, и открыть рот – поймать снежинку, и весенний запах асфальта, особенно запах асфальта. И сейчас – СЧАСТЬЕ.

Во мне все поет: ля-ля-ля-а, меня любят все-е... у меня скоро сва-адьба... и четверка за сочинение... ля-ля-ля... мой портрет на Невском... МОЙ ПОРТРЕТ НА НЕВСКОМ! В два-три человеческих роста, ВИСИТ. В витрине Дома книги. На уровне носа надпись: «Любимый автор представляет новую книгу».

«Дневник сорокалетнего мужчины: я больше не ребенок, я подросток!» стал бестселлером. На обложке написано: «Это первая книга на русском языке, в которой смешно все, у героя неприятности с женщинами, детьми, деньгами, и все это складывается в смешную и печальную мозаику наша жизнь».

Когда я писала от имени мужчины, я представляла себе, что чувствуют мужчины: например, писатель выступает в Доме книги, – казалось бы, наслаждайся, думай «жизнь удалась!», – так нет, он беспокоится, что порвались колготки. Пусть не колготки, а галстук, или любимая ушла к другому, важно другое: ВСЕ робеют и сомневаются в себе, все смотрят на себя в зеркало и думают «ну и физиономия», все бесконечно спрашивают себя, что о них думают другие, – все думают, не меньше ли у меня было женщин, чем у других, и не больше ли, а мой персонаж не стесняется об этом сказать. Удивленные детские мысли есть у всех, у каждого человека, поэтому вышло два дополнительных тиража и допечатывается третий.

На встрече с читателями могло произойти Что-то Ужасное, как минимум НИКТО НЕ ПРИШЕЛ, и нужно делать вид, что я люблю стоять перед пустым залом. Но все прошло триумфально (любимый автор, ля-ля-ля-а), не считая того, что один читатель спросил: «По-

вашему, жизнь – это пространственно-временная характеристика бытия в совокупности разрозненных явлений или имманентно присущая всему взаимосвязь, способствующая саморазвитию организмов? Если иметь в виду метафизический дискурс. Как вы на это смотрите?» Я сказала: «О, да. О, нет. Тут как посмотреть». Ясно, что любой писатель, на которого наскокивает умный читатель, растеряется.

Умному читателю бесплатно досталась книжка за самый умный вопрос, он прочитал вслух посвящение: «Я не посвящаю тебе книжку, потому что тебе посвящаюсь я сама». Я покраснела: не люблю публичных проявлений чувств, лучше уж секс на даче с тонкими перегородками, чем такие интимные слова при всех. Умный читатель сказал: «Ну спасибо, очень трогательно». Это была книжка для Андрея, КАК она попала в Дом книги?

Звонок – Илья.

– Ну, как ты сегодня?... Болит голова, сердце, экзистенциальные проблемы или хотя бы тошнит?... Я – ужасно. Утром проснулся в холодном поту со страшной мыслью – мне пятьдесят!.. Цифра 50 обожгла меня, сбила с ног!

Почему цифра 50 сбита с ног лежащего в постели Илью, почему обожгла? Не понимаю, хотя я старше Ильи на два года, мне сорок три.

Илью не утешит, если я напомню, что ему сорок один. Илью утешит, если я скажу, что ему скоро шестьсот девяносто. Илья меланхолик, ему чем хуже, тем лучше.

Илья – мой друг, главное правило дружбы – приветливо разговаривать с другом на приятные ему темы. Скажу Илье что-нибудь приятное: что у меня апатия как способ притупить свое осознание бытия и астенический синдром.

– У идиотов не бывает апатии. Идиотам свойственно беспричинное ощущение счастья вследствие нежелания анализировать информацию, поступающую из внешнего мира.

Илья – публичный интеллектуал. На питерском телевидении говорит о театре и кино, на питерском радио – о книгах. Перед эфиром Илья нервничает, телезрители и радиослушатели его раздражают. Как меланхолик с повышенной тревожностью может быть публичным человеком?! Публичный интеллектуал – неподходящая профессия для Ильи.

С другой стороны, у Ильи как раз подходящая профессия: дает ему повод всегда быть в плохом настроении. Илья хочет беседовать с радиослушателями о Борхесе и Умберто Эко или о символизме и акмеизме, хочет, чтобы снимали настоящее кино и сериалы как «Игра престолов» и «Доктор Хаус», но радиослушатели звонят с вопросом «Как вам Дэн Браун?», а телезрители смотрят стрелялки про ментов.

Описывая Илью, Ирка-хомяк сказала: «Такой Илья, красивый еврей». Я рассердилась: это все равно что сказать «такой Барак Обама, афроамериканец», или «мне делают ремонт узбеки», или «моя подруга, наполовину евреечка». Ирка подозрительно смутилась – неужели она так говорит? – и бросилась в наступление:

– Не смей делать мне замечания, я тебе самый близкий человек... Или не самый?... Ну, конечно, зачем тебе со мной дружить?... Ты профессорская дочка, замужем за олигархом, а я актриса у Додина...

Ирка жалуется на Додина за то, что он не дает ей главных ролей. Говорит новым знакомым: «Мы сейчас ставим потрясающую пьесу, главная роль создана для меня! И представьте, я опять во втором составе!» Новые знакомые сочувственно кивают: «Совершенно непонятно, что Додину надо! Такую красавицу во второй состав!» Хомяк отвечает в духе покорности судьбе: «Актерская карьера – это игра случая...»

Ирка-хомяк представляется актрисой в театре Додина, на самом деле она буфетчица в театре Додина... Ох, нет! Ирка – мой старый друг, а главное правило старой дружбы – говорить не «буфетчица», а «директор театрального буфета».

Ирка с Ильей – пара с секретом: Ирка, актриса-директор буфета, и Илья, модный питерский интеллектуал, тайный сценарист стрелялок. Илья говорит, что нужно снимать настоящее кино, а сам снимает стрелялки про ментов. Ставит в титрах другую фамилию... Ну и что? Бывают тайны и похуже. Я, к примеру, однажды...

Звонок – Никита.

– Илья, у меня вторая линия... Привет, Никита!

– Это Крымнаш? – сказал Илья.

– Нет, что ты! Это не Никита.

– Это пятая колонна? – сказал Никита.

– Нет. Это не Илья.

Мне пришлось научиться разговаривать по двум линиям, потому что мои прекрасные друзья в ссоре навсегда. Когда-то они переругивались добродушно, обзывая друг друга «тупорылым консерватором» и «хитрожопым либералом». Илья мирно говорил Никите: «Ты совок, крапивное семя федерального уровня, горилла, не разделяющая европейских ценностей». Никита не знал, что Розанов называл чиновников «крапивное семя», не знал, кто такой Розанов, но мирно улыбался и отвечал: «Я разделяю европейские ценности – вот, купил дом в Валенсии». В последний раз, когда они виделись, Илья высокомерно называл Никиту «Крымнаш», а Никита угрожающе называл Илью «предатель». Илья истерически кричал Никите: «Ну что, доволен, из-за Крыма поссорились со всем миром!», а мне: «Бестолочь беспринципная, выбирай, он или я, европейские ценности или полная изоляция!». Но как же мне выбрать? Никита – мой очень старый друг, главное правило очень старой дружбы – не поставить европейские ценности выше дружбы. Мои прекрасные друзья стоят на баррикадах, где силы добра схватились с силами зла, шаг с баррикад влево – расстрел, и шаг вправо – расстрел. Они как пионерский отряд, комсомольский съезд и злая бабушка у Владимирского собора, она кричит прохожим: «Не говорите мне «я другой веры», вера одна!» У моих прекрасных друзей «одна вера», а мне сложно разговаривать по двум линиям одновременно, забываю переключиться, боюсь перепутать, с кем говорю.

Никита сказал: «Иди домой, не шляйся по улицам, как идиот», – распоряжается мной как идиотом; Илья немного поговорил со мной на темы, доступные идиоту: про свои фрустрации, эмпатию, экзистенциальную защиту. И никто, никто не спросил, как прошла моя встреча с читателями!..

... Не настолько я тщеславна, чтобы забирать из Дома книги свой портретище, но если обвязать его веревочкой, то вполне можно дотащить до дома.

Мой план: наклеить портрет в подъезде у лифта. Мой портрет у лифта – это не тщеславие, а любовная игра. Чтобы Андрей пришел домой и удивился – ничего себе, ее портреты в подъездах висят, как портреты депутатов! И чтобы он:

а) понял, на кого утром кричал «нет у меня времени ходить по твоим встречам с читателями!» – на любимого автора;

б) тут же, у лифта, простил меня за то, что я кричала «ты всегда на работе!», «ты всегда!» и просто «ты!...».

Это могла быть прекрасная ссора, после которой любовь как роза в капельках дождя, но в нашей ссоре одно цеплялось за другое... если бы возможно было оставить одно, не заблудиться в дебрях другого... Хотя, скажем прямо, не я одна в этом виновата, не только я, вообще не я. Андрей злобно прорычал: «Это ты принцесса, у тебя поэзия, музыка, а у меня работа!» Точная цитата такая: «За стенкой люди друг друга давят, душат, братьев, родных сестер душат. Словом, идет повседневная, будничная жизнь. А войдешь на половину принцессы – там музыка, разговоры о хороших людях, о поэзии, вечный праздник».

Интрига с портретом оказалась не вполне продуманной.

Нашим подъездом распоряжается консьерж. Наш консьерж не корпулентный мужчина в фуражке с золотым ободком, а тетя Катя. Андрей пользуется у нее авторитетом: они подолгу разговаривают о видах на урожай тети Катиной смородины, о посадке картошки. Андрей так уважительно относится к сезонным работам, что готов заменить тетю Катю на время посадки картошки. Консул (консул небольшой дружественной страны снимает квартиру в нашем подъезде, ему нравится настоящий Петербург) пользуется у тети Кати авторитетом меньшим, чем Андрей, а я и вовсе никаким.

Тетя Катя подмигнула мне со словами «ладно уж, вешай, раз у тебя любовная игра такая... возьми лестницу в нехорошей квартире». Нехорошая квартира – это коммуналка на первом этаже, все десять комнат сдаются, и в них неслышно проживают сто человек... ну, хорошо, сорок. Тетя Катя раньше называла обитателей нехорошей квартиры «нехристями», я научила ее говорить «лица не титульной национальности». Они дали мне разрешение повисеть у лифта и лестницу. Лестница пошатывалась, тетя Катя кричала: «Сейчас эта лестница не титульной национальности под тобой хряснет!» Два раза с лестницы упал портрет, один раз я, пять раз аптечный пластырь, которым я пыталась приклеить портрет к стене.

...Портрет слегка порван на носу, но в целом выглядит прекрасно. «Любимый автор» меня очень подбодрило перед встречей с читателями. Каждый раз, перед каждой встречей мной овладевает нечеловеческий ужас, на первый взгляд необъяснимый, – ведь когда я читаю лекцию, мне все равно, сколько в аудитории студентов, хоть сто миллионов. Но это очень объяснимый ужас: на лекции я транслирую чужое знание, за которое не несу персональной ответственности, на встречах с читателями представляю свою новую книгу. А вдруг она им не нужна, а я ее представляю? Вот если бы можно было просто прочесть отрывок из книжки... из Дюма что-нибудь. Увлекательно. Знакомо. Не несу за Дюма персональной ответственности.

...Я счастлива, очень счастлива! Очень!

Андрей войдет в подъезд, а там – трехметровая я!

Надеюсь, что до его прихода мне не успеют пририсовать усы.

## 21.30

Этот счастливый вечер, это острое ощущение счастья навсегда останется в моей памяти... между прочим, все счастье мной заслужено: и любовь читателей, – любовь читателей не купишь, и Муркина свадьба – моих рук дело, и Андрюшечкина четверка за сочинение по лирике Пушкина мною заслужена. Прежде у меня не получалось имитировать стиль десятилетнего мальчика, и вот наконец-то учительница написала на моем сочинении: «Ставлю тебе четверку за то, что это сочинение написал ты, а не твоя мама-писательница. У меня один вопрос: как ты умудрился додуматься до такого бреда?»

Я пыталась влезть в пижаму, зажав телефон между плечом и ухом, не расстегивая пуговиц, торопилась начать свой праздничный вечер: сначала разговор с Викой, потом праздничное лежание в постели в старой пижаме с зайчиками с сериалом «Сага о Форсайтах», Шопеном (можно включать звук поочередно) и брауншвейгской колбасой, лежание человека, заслужившего сериал, Шопена и колбасу после встречи с читателями, на которой могло произойти Что-то Ужасное, но не произошло, а напротив, все прошло триумфально. Я совершенно счастлива и совершенно одна: Андрей приедет под утро, Мура с Марфой на вечеринке, Андрюшечка у мамы. Савва Игнатъич и Лев Евгеньич будут празднично лежать со мной, слушать Шопена, смотреть «Сагу о Форсайтах» и есть колбасу.

– Вика, у меня к тебе два вопроса. Сначала задам тебе второй и третий, а потом первый... – Я сбилась со счета от нетерпения – скорей поговорить обо всем, скорей, скорей! – Вика, у меня звонок в дверь, я спрошу, кто там...

Полиция?... Не открою ни за что. Все знают, что полиции нельзя открывать двери.

В дверь звонили и стучали, и, чтобы они не мешали мне разговаривать с Викой, я включила Шопена – очень громко, и ушла в другой конец квартиры, на кухню.

– Вика, сначала третий вопрос: почему я не могу написать «настоящий русский роман»? Ничего общественно-политического, а только «про жизнь», про сумочки? Даже у мужчины, у моего сорокалетнего мужчины – не ребенка – а подростка, исключительно частная жизнь и тайная... Потому что наше поколение не пережило войну, репрессии, не работало на заводе?... Или конкретно мне не хватает личного масштаба, я – личность про сумочки?...

– Мурылья?... Не комплеклуй. У тебя достаточный масштаб личности – посмотри в зеркало. В последнее время твой масштаб личности еще увеличился за счет копченой колбасы... Но почему же ты ничего не пережила, а девяностые?... Пустые прилавки, стратегический запас – две пачки вермишели... Ты могла бы создать эпическое полотно про вермишель. С общественно-политической значимостью и прочей фигней. Переходи ко второму вопросу.

Вика права, нельзя сказать, что мы совсем уж ничего не пережили. Но никто не виноват, что все, что мы пережили, нам смешно. Очевидно, общественно-политическая значимость не наш конек... Второй вопрос можно отложить на потом, на самом деле первый вопрос гораздо важнее.

Я вчера дописала финал новой книжки, послала его Вике и волновалась, что она скажет. Вика тоже вчера послала мне финал своей новой книжки.

– Ну, как тебе финал?... – одновременно сказали мы.

Лев Евгеньич заливался лаем у входной двери, не давая насладиться обсуждением финалов, и я все-таки вышла в коридор, и... ой!..

В прихожей сверкали искры. Как будто идешь по улице с мамой и вдруг видишь, как сваривают трубу, – искры летят во все стороны, и мама говорит «не смотри, глаза испортишь», но невозможно оторваться, и смотришь, и смотришь. И я смотрела, как завороженная, не могла отвести взгляд.

Было страшно идти сквозь искры, вдруг бы я загорелась... Человек в шоковом состоянии опасается мелочей, что можно загореться или испортить глаза, и не думает о главном страшном, – почему у него в прихожей сварка?

– Вы что, ребята?... – удивленно спросила я, подойдя к входной двери. Мою дверь, огромную стальную дверь, выпиливали автогеном! Поэтому искры.

Огромная стальная дверь медленно вываливалась из проема.

– Знаешь, я всегда ругаю тебя за скомканный финал... – говорила Вика, – но смотри, что пишет Тэффи: когда в жизни заканчивается какая-то история, всегда кажется, что ее конец неестественно оборван. А писатель творит по образу и подобию судьбы, поэтому все концы в романе всегда оборваны... Возьми, к примеру, Толстого...

...Очнулась я на полу. Не знаю, сколько прошло времени, несколько минут или полчаса. Я сидела на полу – оказалось, что я отлетела в сторону, метра на три, такой силы был удар. По лицу текла кровь, пижама была в крови, все зайчики в крови. Звонил городской телефон, звонил мой мобильный – очевидно, Вика сразу по всем телефонам хотела досказать мне, что Толстой творил по образу судьбы. Вокруг меня кружком, как в детской игре, мужчины – десять человек или больше, в обычной одежде и в форме, у тех, что в форме, – пистолеты. А надо всем этим звучал Шопен. Ноктюрн ре бемоль мажор.

– Следователь федеральной службы, – представился один из незнакомцев – я не слышала, службы чего, но очевидно, он главный, с пистолетом. – Вот ордер на обыск.

Сидя на полу, я кокетливо отмахнулась от Главного с пистолетом – мол, что за формальности, ордер мне без надобности. И я не обижаюсь за то, что его люди вышибли дверь, не туда попали, ошиблись дверью...

Но мою сломанную деревянную дверь и выпиленную стальную дверь придется воссоздать, то есть восполнить, то есть воспроизвести. Я имела в виду, что их ведомству придется заплатить за разрушения, но запуталась в словах, – все же я со всего размаха получила стальной дверью по голове. ЭТО ПРАВДА ПРОИСХОДИТ СО МНОЙ, ПРИНЦЕССОЙ МИРА?

До прихода группы захвата у нас было две двери: деревянная, старая, времен постройки дома, и стальная. А теперь ни одной, как будто это не квартира, а нора. Деревянную дверь снесли, а стальную вырезали автогеном. Каждый проходящий мимо мог бы увидеть меня, сидящую на полу в крови под дулами пистолетов. Но у нас чужие не ходят, у нас консьерж, и мною смогли бы полюбоваться только свои, соседи. Кто-то из мужчин протянул мне платок, чтобы я вытерла с лица кровь, и сказал: «Я понятой». Господи, «понятой», как будто это настоящий обыск! Как будто они пришли брать Фокса... «Понятым» оказался один из наших охранников, он всегда помогает мне припарковаться, говорит, что парковать «ренджровер» для него одно удовольствие.

От шока человек не чувствует боли. Однажды я каталась на роликах по Дворцовой площади и думала «я такая же молодая, как все тут», и вдруг какой-то ребенок закричал, показывая на меня «смотрите, мама на роликах едет!», и я упала и сломала руку. Боли не почувствовала, только радость, что не «смотрите, чья-то бабушка на роликах едет». И сейчас я не чувствовала боли, а напротив, чувствовала необыкновенную ясность мысли. Сидела на полу и думала: как будто я снимаюсь в кино про 37-й год. В роли жены репрессированного партийного вождя, избалованной умницы-красавицы, за которой пришли. Наша прихожая подходит для декораций такого фильма: партийные вожди любили антиквариат, а у нас как раз шкаф арт-деко, зеркало арт-деко, торшер XIX века, картины.

Сидя на полу, я задумалась: унижительно ли сидеть на полу, в окружении незнакомцев с пистолетами?... Да, если думаешь, что унижительно, нет, если думаешь о другом. Я думала о другом: что чувствовала избалованная красавица, когда в ее красивую жизнь врываются незнакомцы в форме и она оказывалась – на полу, в крови?... Что чувствовали люди, за которыми пришли? Они были вершителями судеб народа и всех людишек, и тех, что пришли их арестовывать. Сидя на полу в крови, я поняла: изумление. Они чувствовали изумление: только что было одно, а сейчас совсем другое, не может быть!..

И это всем нам урок: не стоит строить слишком уверенных планов. Вот я, собиралась в пижаме слушать Шопена, смотреть сериал, есть колбасу, – и что? Сажу на полу, вся в крови. Слушаю Шопена, но о какой колбасе может идти речь в присутствии стольких незнакомых мужчин?

Кстати, при аресте вождей в тридцать седьмом году в качестве понятого обычно присутствовал дворник, протягивал платок вытереть кровь людям, которые еще вчера проносились мимо на «ренджроверах»... на чем они тогда ездили, на «паккардах»?

– Вы в порядке? – спросил Главный.

– Не волнуйтесь, я в целом в порядке, а синяки можно закрасить тональным кремом...

Конечно, я уже поняла: это настоящий обыск, настоящая операция, настоящая группа захвата. С чего бы группе захвата, без тени сомнений уронившей на меня стальную дверь весом с тонну, волноваться за меня? Если бы дверь упала на меня под другим углом, я могла бы умереть, и они бы списали это на усущку и утруску в ходе операции. Я могла бы умереть... А мои дети, а мой муж, а моя мама?!.. Вот ведь ужас, от какой мелочи зависит столько людей – от угла падения стальной двери.

Понятой-охранник протянул мне грязноватый платок, чтобы я вытерла кровь, я взяла, сказала «спасибо» и вдруг почувствовала стыд: охранники во дворе сплетничают. Весь дом, соседи, консул дружественной страны, нехорошая квартира, все будут знать, что группа захвата вырезала нам автогеном дверь. Встречаясь со мной во дворе, будут думать: «Все же тут что-то нечисто, валюту в вентиляции прячут или, возможно, торговля рабами». Лучше бы взяли в понятия консула, – консул хотя бы не сплетничает во дворе. Из-за понятого-охранника наша семья навсегда останется с подмоченной репутацией.

– Ордер на обыск, читайте, – страшным голосом произнес Главный.

– «...Преступная группировка по продаже наркотиков... Организатор преступной группировки... проживает по адресу...» В бумажке было написано, что Организатор Преступной Группировки по продаже наркотиков проживает по нашему адресу... Это Андрей.

Я вытащила из кармана пижамы мобильный телефон, чтобы рассказать Андрею, что он глава преступной группировки, а через нашу прихожую проходит наркотический трафик. Главный выхватил у меня телефон.

– Пользоваться телефонами запрещено. Кто дома, кроме вас? Пусть выйдут и сдадут телефоны.

– Только Лев Евгеньич и Савва Игнатьич... но они звери.

– Меня не касаются ваши отношения с родственниками, – сказал Главный.

Когда выяснилось, что у Льва и Саввы нет при себе мобильных телефонов, начался обыск.

– Наркотики, оружие? – сказал Главный.

Раз уж жизнь – это имманентно присущая всему взаимосвязь, то, может быть, для саморазвития любопытно немного побывать в другом мире?... Если вытереть кровь с лица и рассмотреть метафизический дискурс.

...Честно? Я не исследователь чужих миров. Мне в моем мире хорошо. Зачем мне другой мир, мир, где сидят на полу в крови?

– ...Хотите сдать добровольно?... – спросил Главный.

Главный и его люди держались строго, будто мы по разные стороны баррикад, будто мы враги: Обыскивающие и Обыскиваемые, Сидящие на Полу в Крови и Стоящие с Пистолетами. У меня никогда не было врагов... не могу припомнить ни одного врага, ни даже недоброжелателя. И сейчас я не считала этих людей врагами, – они ведь не арестовывали меня как врага народа, они просто делали свою работу, и я ведь не хочу, чтобы где-то продавались наркотики, я – с ними, и страха почти не чувствовала, чего мне бояться?

– Нет уж. Не сдам. Ищите.

Главный взглянул на меня с недоумением, возможно, ему и его людям казалось странным, что я не так уж боюсь, не так боюсь, чтобы перестать улыбаться, возможно, им казалось, что я идиот. Возможно, я идиот. Дело в том, что я, как Лев Евгеньич, надеюсь, что повсюду встречу еду.

Когда Лев Евгеньич хочет проникнуть в комнату, где предположительно есть еда, он начинает методично раскачивать лапой дверь. Раскачав дверь, просовывает в щель лапу, открывает дверь, находит еду, затем ест. Именно так обстоит дело. В любом, самом драматическом событии есть зазор между серьезным и смешным, нужно просунуть в этот зазор лапу, расшатать, проникнуть, и – там, за дверью – смешное. Не то чтобы Лев Евгеньич всегда находит еду, скорее, еда начинает оказываться там, где он ее ищет. Я не стараюсь увидеть смешное в любой ситуации, – стараться глупо, – смешное само видит меня.

...Честно?... Улыбаться, притворяться почтибесстрашной означало оставаться в своем мире, там, где не сидят на полу в крови, вот я и держалась за свой мир изо всех сил.

## Вторник, 28 января Пока все дома, черт бы их подрал!

А как дерет черт? Пусть бы черт не больно подрал Муру и Андрея. Особенно Андрея.

...О-о-о!.. Не может быть! 8 утра, Мура.

8 утра, а Мура уже шуршит в прихожей! Торопится на Международный симпозиум по дентальной имплантологии. «Компьютерные технологии в дентальной имплантации. Современное оборудование для изучения костной ткани. По окончании симпозиума будут вручены памятные подарки». Все это я прочитала в проспекте, который уже несколько дней лежит на столике в прихожей.

Мурка не работает. Собирается повышать квалификацию. Мы с Андреем по советской привычке считали, что после окончания института человек идет работать. А поработав уж как умеет, – повышает квалификацию. Почему же данную Муру так плохо учили в институте, что она хочет повышать квалификацию, не вылечив ни одного зуба? Оказалось, этому существует разумное объяснение. Мурка сказала: она, Мура, не дура, чтобы вот так сразу взять и пойти работать! Она также не дура, чтобы вот так сразу взять и пойти повышать квалификацию. Поэтому Мурка не работает и не учится.

Мурка сказала, что приглашена на симпозиум. Возможно, она цапнула проспект в приемной какой-то стоматологической фирмы, – проходила мимо, заглянула и стащила проспект. Но я же мать, поэтому я верю Мурке.

Я стояла в прихожей и растроганно смотрела, как Мурка убирает золотисто-рыжие кудри в скромный хвостик молодого врача, натягивает белые сапоги, застегивает белый плащ, повязывает белый шарф. Красиво, – как привидение, во всем белом. Это настоящее счастье – видеть своего ребенка, который в восемь утра уже одет как привидение и вот-вот уйдет на симпозиум по зубам.

В сумке у Мурки белый халат. Врачи на симпозиуме должны быть в белых халатах, – врач должен быть во всеоружии, если потребуется срочная медицинская помощь. А мой ребенок как раз врач. Если на симпозиуме кому-то потребуется срочная имплантация, она тут, моя Мура.

Андрюшечка – ангел, а не ребенок, легкий ребенок, сам проснулся – умылся – съел кашу, отправляется в школу, «Азбуку» по дороге не продает...Ой. Портфель. Ангел забыл портфель. С одной стороны, нужно бежать за ним в пижаме с криком «портфель!»). С другой стороны, стук закрывшейся за ребенком двери означает: все, точка, материнский долг исполнен. В школе и без портфеля хорошо, можно попросить у кого-нибудь листочек.

Мура вышла из квартиры, вызвала лифт, открыла лифт, зашла в лифт – уфф, все! Золотисто-рыжее привидение улетело далеко-далеко, на симпозиум. Что это, почему?... Мура вышла из лифта, вошла в прихожую, развязала шарф, скинула плащ, сняла сапоги, скрылась в своей комнате. И через минуту высунулась оттуда в пижаме с уже сонным лицом. Проворчала:

– Глупо переться не пойми куда не пойми зачем.

– Почему не пойми куда?! Почему не пойми зачем?! Дентальная имплантология, Мура! Оборудование для изучения костной ткани! Памятные подарки!

Мура потопталась немного в коридоре, – на пижаме портрет лисы по частям, на груди хвост, на руках лапы, на попе лисья морда, и ушла к себе. А я пошла за ней. Хотела показать свое Молчаливое Неодобрение.

На полу в Муркиной комнате Куча – одежда, книжки, обрывки лекций, сверху все красиво присыпано яблочными огрызками. На самом верху Кучи лежит Мурин диплом. В дипломе написано «Врач России». Врач России перебрался через Кучу, я за ним.

... Не удалось продемонстрировать Молчаливое Неодобрение по объективным причинам. Мурка улеглась в кровать, прижала к себе плюшевого медведя и закрыла глаза.

Я демонстративно, без единого слова, ушла к себе и демонстративно тихо прикрыла дверь. И просидела у себя в комнате не знаю сколько времени, минут пять, надувшись, как мышь на крупу, и размышляя.

Вот мои размышления (не все, потому что через два часа ко мне придет съемочная группа «Пятого канала». Будут снимать меня – !!! – для программы «Доброе утро», брать у меня интервью, а в конце я должна порекомендовать зрителям какую-нибудь книжную новинку. Сказать «я хочу порекомендовать мой новый роман» нельзя).

Размышление первое – кто виноват?

Это было мучительное чувство вины, которому изредка предаются все родители.

Что я сделала неправильно?... Нельзя сказать, что я уделяла Муре недостаточно внимания! Я посоветовала ей не сжигать в раковине дневник с двойками каждую неделю, а завести два дневника, один для нас с ней, другой для Андрея... Мне пришлось проверять два дневника.

Я не была угрюмым угрожающим родителем! Когда Мурка была подростком, я применяла только Увещательное Уговаривание. За которым следовало Муркино увиливание и увертывание: сигареты в ее кармане были мои, а бутылка мартини упала под подушку прямо с неба. За Увещательным Уговариванием всегда следовало ускоренное ублажение и увеселение Муры.

А чего мне стоило Муркино поступление в медицинский институт?! Мурка поступила в медицинский честно, за конфеты, три вступительных экзамена – три коробки конфет, «Грильяж», «Птичье молоко», «Вишня в шоколаде». В каждой коробке были деньги. Конфеты мне предварительно пришлось съесть.

В «Вишне в шоколаде» было больше всего денег, – за последний, решающий экзамен. Если приглядеться, было видно, что в коробке не конфеты, а деньги. В ночь перед вручением коробки мне приснился страшный сон: я несу конфеты приемной комиссии, спотыкаюсь, коробка падает, – деньги рассыпаются по полу... Приемная комиссия говорит: «Ничего, позанимайтесь, подучитесь носить коробку с деньгами и придете к нам на следующий год...» А я оправдываюсь: «Знаете, сколько мне пришлось съесть конфет, чтобы найти коробку, в которую влезет столько денег...»

«Вишня в шоколаде» была засохшая, с «Вишней в шоколаде» никогда не знаешь, чего ждать, тут либо повезет, либо нет.

...А может быть, Мурку нужно было бить?

Размышление второе – что делать?

Бить?... Но я ни разу в жизни не шлепала Мурку. С тех пор как шестимесячная Мурка отказалась спать днем, мы всегда были не мать и дитя, а подруги, – кому же придет в голову шлепать подругу по попе?...

...Муре двадцать три года, за это время я выросла, повзрослела. Уже несколько лет я определенно чувствую себя взрослым человеком. Я выросла, а Мурка нет. Теперь мы подруги, разминувшиеся в темпах взросления. Так бывает с девочками: одна уже носит лифчик и влюблена, а другая все еще играет в куклы, и что же теперь делать с дружбой? Вот и у нас с Мурой вдруг оказалось разное осознание себя: Мурка уверена, что мы маленькие подружки, а мне кажется, что мы взрослые друзья.

А ведь взрослые друзья дерутся. Мы с Никитой подрались из-за трусов. Два прозрачных кружевных треугольничка, розовые шелковые ленточки, купила у спекулянта, – такая красота. Не то чтобы Никита собирался носить эти трусы, но, когда мы были студентами, в магазинах продавались только белые трикотажные трусы, – он хотел сделать Алене царский подарок, вот и тянул прозрачные кружевные треугольнички к себе, а я к себе. Такая красота, как же нам не драться?

Размышление третье – кто виноват.

Совершенно ясно, что виноват Андрей.

Нет никаких признаков, что Мурка собирается работать. Или хотя бы признать, что ей двадцать три года.

Или хотя бы перестать щебетать, как птенец. Как птенец с открытым ртом, она ждет, когда ей положат в рот что-то питательное. Андрей рад запихнуть в ее открытый рот то машину, то шубку, то шляпку, – он совсем не думает о том, что есть общие законы жизни! Суровые. Что будет, когда избалованная легкомысленная Мура столкнется с суровыми законами жизни? А?! Страшно представить.

...10 утра, Мурка спит, я волнуюсь, – это моя первая встреча с телевидением. Не то чтобы я надеюсь стать лицом «Пятого канала», но все же.

Предупредила Андрея, что он тоже будет сниматься.

– Нет.

Как «нет», почему «нет»?... Андрей – немногословный человек, говорит короткими предложениями, вместо слов часто использует звуки (р-рр). У него низкий, хриплый, очень мужской голос. Его хрипкое отрывистое «нет» звучит не как мое «мяу-мяу, да», а как внушительное «нет», решительное «нет», как очень страшный рык – «Нет! Р-рр!». И кто-то во мне, маленький и послушный, тут же хочет забиться в щелочку и оттуда преданно пискнуть «прости, что обратилась».

– Тебе зададут один вопрос. Всего один!

– Нет. Р-рр. Я занят. Мне нужно кое-что посчитать.

Это отговорка. Когда папа, профессор-математик, говорил «я занят, мне нужно кое-что посчитать», я тихо покидала кабинет. Андрей – строитель, строит то одно, то другое – объекты. Если бы он сказал «мне нужно кое-что построить», было бы понятно, но что нужно посчитать строителю?... Он слишком много работает, хочет все сделать за всех. Наверняка сейчас он считает за бухгалтера. Почему нельзя больше доверять сотрудникам? Почему нельзя работать из дома? Почему бы ему не кричать из дома: «Поставь другую бригаду! К понедельнику все должно быть готово! Измерь давление ртутного столба!» (или что-то подобное).

Ночью мы поссорились.

Мы собирались камерно отпраздновать выход моей книги: сходить куда-нибудь вдвоем или выпить шампанского дома только вдвоем, и чтобы он сказал «ты молодец», не обязательно словами, можно взглядом... или каким-нибудь подарком. Я ждала Андрея, и внутри у меня булькали радостные пузырьки. Потому что – что бы я ни делала, что бы ни надела я, при тебе и без тебя, это только для тебя. То есть для него.

А он пришел домой ночью! Водитель грузовика попал в аварию (у него случилась почечная колика), и Андрей поехал за сто километров его выручать.

У него все время что-нибудь случается. Водитель грузовика попал в аварию, или заболел бригадир, или у бригадира заболела жена и нужно положить ее в больницу. Конечно, это человеколюбие и благородство души, но у Андрея много водителей грузовиков, много бригадиров. Один из бригадиров женат в третий раз и со всеми женами сохраняет хорошие отношения.

Ночью я сказала:

– Ты думаешь, что ты лорд!

Я имела в виду, что лорд Винтерфелла, Хранитель Севера, сказал: «Быть лордом все равно что быть отцом для тысячи детей, для всех своих крестьян и солдат». Он лорд, отец для тысячи водителей и бригадиров, – а я, как мне жить?! Одной праздновать выход своей книги?...

– Я так тебя ждала, а у тебя водитель... Водитель для тебя важнее, чем я.

– Конечно, важнее. Ты же здорова, а у водителя почечная колика, – сказал Андрей.

Логично, но мои радостные пузырьки как будто кто-то залил водой, и обида все тяжеле- лела внутри и поднималась в горло, и мы поссорились, и он ушел спать в кабинет.

...– Тебе зададут всего один вопрос. Ты можешь даже не слушать. Просто скажешь «спасибо, хорошо». Одну фразу. И все. Понял?

Я хочу, чтобы осталась запись, где Андрей на вопрос «Как вам живется с женой-писа- телем?» отвечает «Спасибо, хорошо». Я смогу предъявлять ему эту запись в спорных слу- чаях как доказательство, что ему хорошо.

...Может быть, я стану лицом «Пятого канала»?...

Съемочная группа – редактор (типичный интеллигентный питерский мальчик), опера- тор (толстый дядька) и еще один оператор (с незапоминающейся внешностью) – долго бро- дила по квартире, таская за собой камеры, лампы и специальный зонтик размером с пляж- ный тент, мы с Львом Евгеньичем бродили за ними (Лев Евгеньич задумал укусить зонтик).

Редактор хотел непременно снимать меня на фоне книг, чтобы было культурно. У нас книги везде, в спальне, гостиной, коридоре, туалете, но в спальне и гостиной оператор не смог установить свет, а в коридоре и туалете был свет, но не было перспективы. Я постуча- лась к Андрею – в его кабинете книжные полки до потолка, и свет, и перспектива.

Андрей сидел за письменным столом, уставившись в компьютер. Погрузился в свои расчеты.

– А вот и мы! – приветливо сказала я.

Мы вошли в кабинет: я, Лев Евгеньич (мгновенно забрался к Андрею на колени), редак- тор, оператор и оператор, – втащили камеры, лампы, специальный зонтик размером с пляж- ный тент.

– Кыш! – не поднимая головы, сказал Андрей. – Кыш отсюда!

Мы попятнулись в коридор: я, Лев Евгеньич (с обиженным урчанием), редактор, опера- тор и оператор, – выносили камеры, лампы, специальный зонтик размером с пляжный тент. Редактор, интеллигентный питерский мальчик, сказал: «Извинитесь перед вашим мужем за то, что мы ему помешали». Очень тактично и тонко с его стороны сделать вид, что «кыш отсюда!» относилось к съемочной группе, а не ко мне... но ведь все понимают, что мой муж сказал «кыш отсюда!» мне... Позор, какой позор...

...Долго устанавливали свет в гостиной, наконец установили, выключили телефоны, – во время съемки не должно быть ни звука, и я начала говорить – стеснялась, волновалась, немного дрожала. И вдруг из кухни раздалось громкое чавканье и звяканье ложки о чашку.

– Ой... Простите, это он пьет чай, – виновато сказала я.

– Ваш муж? – спросил редактор.

– Лакает из чашки, поэтому ложка стучит.

Я не стала объяснять, что Лев Евгеньич забрался на стол, пьет чай из моей чашки, – не хотела, чтобы «Пятый канал» подумал, что он из меня веревки вьет. И мы продолжили интервью.

– Как ваши близкие относятся к тому, что вы стали писателем?

Идиотский вопрос. Чему их только учат, спросил бы лучше, что я думаю о том о сем.

– Ну... мои дети мне не мешают писать, они заняты: сын учится в школе, а дочь – врач, она сейчас на симпозиуме... Да, на симпозиуме, читает доклад. А мой муж...

– Ваши близкие стараются подчинить свою жизнь вашему труду, – подсказал редактор.

– Да... Они, конечно...

– Где картошка?! – раздался рык из глубины квартиры. – Гречка! Макароны! Где макароны?! Сахар! – громко и страшно рычал Андрей, рык сопровождался грохотом, как будто он швырял на пол кастрюли – одну, другую, третью...

– Они стараются, – понимающе сказал редактор.

– Да. Вот именно. Точно.

В гостиную вошла заспанная Мурка. Увидев съемочную группу «Пятого канала», развернулась, мелькнула хитрой рыжей мордой на пижамных штанах и понеслась по коридору со словами: «Андрей, ты дома?... Мне нужна новая шляпка!»

– Мурочка, это ты?... Ну, как было на симпозиуме?... – фальшиво сказала я вслед.

Я попрощалась с «Пятым каналом» и бросилась к Андрею. Не буду говорить, что человек заслуживает уважения в собственном доме, что писатель, у которого берут интервью, вправе рассчитывать, что ему не скажут «кыш!», что человеку вообще нельзя говорить «кыш!», что во время записи интервью недопустимо швыряться кастрюлями.

Меня интересует только один вопрос, который я задам холодно и весомо.

– Зачем тебе с утра картошка?...

– Просто подумал, если у нас нет картошки, я куплю, – мирно сказал Андрей, – и заодно проверил гречку, макароны и сахар. Заодно разобрал кладовку, кастрюли переложил в правильном порядке.

...О, господи.

– Но почему ты решил провести ревизию продуктов и кастрюль в присутствии «Пятого канала»?...А почему ты сказал мне «кыш!»?! Ты сказал мне «кыш!»! Что подумает обо мне «Пятый канал»? – прошипела я.

– Котик, я сказал «кыш!»? Я и не заметил. Я считал баланс, а Лев Евгеньич полез лапой в компьютер... А что, у нас был «Пятый канал»? И кого снимали?... Льва Евгеньича для программы «Время»?

Сейчас Андрей скажет, что я – звезда передачи «В мире животных». Любовь – это заранее знать, что человек скажет, и заранее смеяться.

– Ты звезда передачи «В мире животных», – сказал Андрей.

– А мне нужна новая шляпка... – вступила Мурка, и Андрей достал бумажник.

Деньги Мурке – на бензин, одежду, путешествия и прочие мелочи – выдает Андрей. Напоминать не нужно, он считает, что Мурке неприятно просить. Это неправда, Мурке нормально просить. Мурка говорит: «Мне нужна новая шляпка». Это кодовое слово, Мурка не носит шляпки. Код означает, что у нее раньше времени закончились карманные деньги, бензин, одежда, путешествия и прочие мелочи.

...Как я могу стать по-настоящему публичным человеком, если меня выгоняют из комнаты с криком «кыш отсюда!», моя дочь – асоциальный тип, а собака пьет чай на столе?

Но ведь каналу нужны разные лица?... Если «Пятому каналу» понадобится такое лицо, то я с радостью. Мне понравилось сниматься, понравился редактор – интеллигентный питерский мальчик, – в 10 утра он уже на работе, не то что Мурка.

...Мальчик-редактор вернулся, – забыл камеру, лампу, зонтик?

– Я вспомнил, откуда мне знаком ваш голос... Вы у нас психологию читали на первом курсе! Мне так нравились ваши лекции, спасибо...

Я приосанилась – «спасибо» для любого лектора... в общем, доброе слово и кошке приятно.